

Глава 38

Ледяной холод пополз вверх от лодыжек. Знакомое ощущение: звенья черных цепей из мистического железа, порожденных магическим массивом, одно за другим смыкались на ногах Чэн Муюня.

«Хэ Юань, проклятый извращенец», — в сердцах выругался он.

Впрочем, лицо Муюня осталось бесстрастным. Он лишь замер, не сводя прямого, жесткого взгляда с Почтенного Меча.

Муюнь мысленно обратился к Системе:

«Что со шкалой прогресса?»

[Состояние шкалы: Временно стабильно.]

Что ж, это к лучшему. Пока прогресс не катится в бездну, можно дышать.

Мгновенное смятение, вызванное разоблачением, быстро утихло. Чэн Муюнь привычно взвесил все «за» и «против», прикидывая, как далеко зашел его ученик и что еще можно спасти в этой ситуации.

— Наставник, — голос Хэ Юаня звучал вкрадчиво, — неужели вы снова размышляете о том, как обмануть своего ученика?

Чэн Муюнь холодно бросил:

— Отпусти.

С тех пор как Хэ Юань достиг стадии Преодоления Испытаний и стал сильнейшим практиком в землях Цзючжоу, никто не смел разговаривать с ним в подобном тоне. Собеседник на мгновение оторопел. Его хватка полностью ослабла, а в душе шевельнулось почти забытое, но такое реальное чувство: его наставник действительно вернулся.

Муюнь поднялся и небрежно опустился в стоявшее неподалеку кресло-качалку.

Хэ Юань не шелохнулся, по-прежнему сохраняя позу для медитации. Однако его взгляд с жадностью ловил каждое движение учителя. Словно он вновь стал тем невежественным ребенком, который только-только вступил в орден и не видел в целом мире никого, кроме своего наставника.

Поправив подол одеяния, Чэн Муюнь наконец заговорил:

— Всё-таки ты меня узнал.

— Почему наставник лгал мне? Почему... не хотел признавать меня? — тихо спросил юноша.

— Ты пошел против воли Небес, — отрезал Чэн Муюнь. — Пытался совершить ритуал воскрешения, пренебрегая законами жизни и смерти. С чего ты взял, что я захочу признать того, кто так низко пал?

Хэ Юань выдержал паузу и спросил:

— Но тогда зачем вы спасли меня?

— Ты... — Муюнь на мгновение запнулся, — ты всё же мой ученик. Если ты сбился с пути, в этом есть и моя вина.

Ученик помолчал, а затем медленно поднялся на ноги. Шаг за шагом он сокращал расстояние, пока между ними не осталась лишь пара локтей.

— Наставник, — он заглянул Муюню в глаза, — в том иллюзорном массиве... вы ведь всё видели?

Чэн Муюнь встретил его взгляд, не моргнув и глазом. В его голосе не было ни капли неуверенности:

— Я когда-то рассказывал тебе об этих формациях. Всё, что происходит внутри иллюзии — лишь морок. Его видит лишь тот, кто в него погружен. Как сторонний наблюдатель мог что-то заметить?

Почтенный Меч еще мгновение всматривался в его лицо, а затем глухо произнес:

— Это неважно. Главное, что теперь вы здесь. Только не уходите, наставник.

Чэн Муюнь едва заметно кивнул:

— Хорошо.

Стоило ему произнести это короткое слово, как черные цепи на его лодыжках бесследно исчезли.

Муюнь понял: на время Хэ Юаня удалось усмирить. Он поднялся и, не оглядываясь на ученика, вошел в свою старую обитель на Пике Вэньдао.

Стоило дверям закрыться, как в голове поднялся истошный вой Системы:

[Что нам делать?! Всё пропало! Как же ты прокололся! Хэ Юань совсем обезумел, он теперь тебя точно в темницу запрет и никогда не выпустит!]

Чэн Муюнь с интересом слушал эти причитания несколько минут, прежде чем прервать их:

«Шкала прогресса не падает, чего ты так разнервничалась?»

Система на миг запнулась:

[А ведь и правда... Но как тебе удалось так быстро всё уладить? Я уже думала, Хэ Юань прямо сейчас начнет разыгрывать сцену с «пленным учителем» и принудительной любовью.]

«Ты слишком много знаешь... — хмыкнул Муюнь. — Хэ Юань безумен, это верно. Но пока я признаю себя его учителем и держусь подобающе, пока его демоны спят, он не посмеет зайти слишком далеко. В конце концов, он следует Дао Бесстрастия».

[Тоже мне «бесстрастие»... — пробурчала Система. — По-моему, от его Дао остались одни руины.]

«Тут ты ошибаешься. Следование Дао Бесстрастия на стадии Преодоления Испытаний — это тяжелейший вызов. Все чувства и желания, подавленные на предыдущих этапах, возвращаются, усилившись стократно. Это последнее испытание: либо ты познаешь их природу и вознесешься, либо падешь».

Муюнь намеренно не стал подтверждать, что они были в иллюзии вместе. Верит в это Хэ Юань или нет — неважно, главное, что тонкая грань приличий не была перейдена. Сейчас, благодаря «Песне упокоения», Почтенный Меч худо-бедно контролирует своего внутреннего демона. Пока в нем жив рассудок, он не позволит себе скатиться к самому худшему — к нарушению священных уз учителя и ученика.

[И что ты планируешь делать дальше?] — спросила Система.

«Будем действовать по обстоятельствам, — вздохнул Муюнь. — Пока что я побуду здесь, чтобышний раз не провоцировать его припадки».

***

Чэн Муюнь оказался заперт на Пике Вэньдао под неусыпным надзором Хэ Юаня, который не отходил от него ни на шаг.

Лишь спустя месяц тот был вынужден отлучиться.

Видимо, в Зале Заданий спохватились, что поручение Чэн Муюня не движется, а сам он не спускался с гор, и обратились к главе ордена. Тот, в свою очередь, разыскал Хэ Юаня, вынудив его покинуть Пик Вэньдао, где Почтенный Меч провел тридцать дней безвылазно.

Проводив взглядом уходящий росчерк меча, Муюнь облегченно выдохнул.

— Наконец-то убрался.

Древний защитный массив был активирован на высшем уровне — ученик ушел со спокойным сердцем.

Муюнь, не теряя времени, достал нефритовый флакон с кровью Хэ Юаня и приготовился к побегу.

Несмотря на кажущееся затишье и стабильность шкалы прогресса, он понимал: идиллия «почтительного ученика и мудрого наставника» — лишь фасад. Внутри собеседника по-прежнему бушует шторм, и эта тишина лишь маскирует его одержимость.

Чтобы предотвратить катастрофу, Муюнь решил действовать на опережение. Ему нужно было найти Гэн Чжэ на Пике Медицины и выяснить истинные причины такого преобразования Хэ Юаня. В его собственных воспоминаниях их связывали лишь чистые узы наставничества. Откуда же взялось это безумие? Только найдя корень болезни, можно подобрать лекарство.

Чтобы не привлекать внимания стражей массива, Чэн Муюнь решил спускаться с пика пешком.

Однако едва он ступил на последнюю плиту каменной лестницы, перед ним молнией опустился клинок.

— Наставник.

Муюнь застыл, не желая поднимать глаз.

Хэ Юань, не обращая внимания на его холодность, сделал шаг вперед. Теперь они стояли так близко, что их дыхание переплеталось.

— Наставник, — повторил он.

Его голос был нежным, как весенний ветерок в цветущем саду, — полная противоположность его ледяному, застывшему лицу.

Муюнь поднял голову и встретился с ним взглядом:

— Почему ты вернулся так быстро?

— Потому что я обманул наставника.

Чэн Муюнь промолчал.

«Мелкий извращенец, — подумал он, — неужели ты окончательно сломался?»

Система вставила свои пять копеек:

[Кажется, он окончательно «сломался» благодаря твоим стараниям.]

Хэ Юань слегка отступил, освобождая дорогу:

— Пойдемте обратно.

Муюню ничего не оставалось, как развернуться и снова начать подъем. Ученик следовал за ним по пятам, шаг в шаг. Они медленно поднимались по ступеням, словно простые смертные.

Пройдя часть пути, Муюнь всё же спросил:

— Зачем ты мне солгал?

Почтенный Меч по натуре не был склонен к обману. Муюнь решил использовать этот момент, чтобы лучше понять состояние собеседника. Раз уж не вышло добраться до Гэн Чжэ, придется выуживать информацию из самого ученика.

— Наставник сам когда-то учил меня: наставления должны подкрепляться личным примером. Я лишь следую вашим урокам.

«Сплошное иносказание и яд», — подумал Муюнь, но вслух произнес с достоинством:

— О чем ты говоришь?

— Я знал, что вы захотите уйти. Знал, что у вас есть способ преодолеть барьеры. Если бы я не притворился, что ухожу... как бы я узнал ваш секрет?

Хэ Юань с бесстрастным лицом извлек из складок одеяния Муюня тот самый нефритовый флакон и небрежно раздавил его в кулаке. Воцарилось тяжелое молчание. Они продолжили путь к вершине.

Только теперь Муюнь невольно ускорил шаг. Его не покидало предчувствие надвигающейся беды. Ему нужно было как можно скорее добраться до места, где сила массива была максимальной — только так он мог надеяться сдержать Хэ Юаня, если тот снова сорвется.

Этот подъем превратился в настоящую пытку.

Когда впереди показались каменные врата обители, Муюнь испытал почти физическое облегчение. Не глядя на спутника, он стремительно вошел внутрь. Его ученик остался снаружи — он опустился на землю и погрузился в медитацию, словно всё вернулось на круги своя.

Оказавшись в спальне, Муюнь сбросил верхнее одеяние на кушетку, как вдруг услышал за спиной шорох. Обернувшись, он увидел Хэ Юаня в дверном проеме.

Нахмурившись, Муюнь спросил:

— Что еще?

Хэ Юань промолчал. Он подошел ближе и протянул руку к вороту его одежды.

Знакомый жест, знакомая обстановка... Муюня пробила дрожь, и он резким движением оттолкнул руку.

Раздался сухой, резкий хлопок.

Хэ Юань замер, глядя на свою руку, которую только что отбросили.

— Ты забыл о почтении к учителю?! — холодно спросил Муюнь.

Ученик помедлил мгновение, а затем продолжил. Он снова потянулся к его одежде и слегка потянул за край ткани.

— Здесь порвано.

Муюнь опустил взгляд: на его нижней рубашке действительно красовался ровный разрез —

видимо, след от ауры меча, когда Почтенный Меч внезапно преградил ему путь на лестнице.

Хэ Юань развернулся и достал из шкафа сложенные одежды.

— Наставник, наденьте это. Будьте так добры.

Едва Муюнь разглядел вещь в его руках, он невольно отступил на шаг. Это было то самое одеяние из иллюзорного массива: белое, как облако, из нежнейшего шелка, без единого лишнего узора.

— Ну же? — ученик замер, ожидая ответа.

Чэн Муюнь уже открыл рот, чтобы отказаться, но тот опередил его:

— Наставник снова пытается меня обмануть. Вы ведь тоже были в том массиве. И прекрасно помните всё, что там произошло, не так ли?

Муюнь раздосадованно подумал:

«Снова поймал на слове».

Прежде чем он успел что-то возразить, по запястьям и лодыжкам пробежал знакомый холод. Взглянув вниз, он увидел те самые черные цепи. Всё его тело оказалось сковано — он не мог пошевелить даже пальцем.

— Хэ Юань! — его голос сорвался на гневный окрик.

Но тот лишь встряхнул белые одежды и спокойно произнес:

— Наставник, позвольте ученику помочь вам переодеться.

«Снова безумие. Нет, он из него и не выходил».

Муюнь был в отчаянии. Ему оставалось лишь бессильно наблюдать, как Хэ Юань снимает с него старую одежду и бережно облачает в новые шелка.

К его облегчению, тот действовал подчеркнуто сдержанно. В его движениях не было ничего лишнего, словно он и впрямь лишь исполнял свой долг прислуживающего ученика.

Напряжение, сковавшее Муюня, начало понемногу отпускать, как вдруг в области поясницы

разлилась странная слабость. Предательский звук невольно сорвался с его губ:

— Мгх...

Голос прозвучал слишком мягко. Чэн Муюнь застыл.

«Этот ученик по имени Юй Цзюнь... Что не так с его телом?!»

Пальцы Хэ Юаня лишь вскользь коснулись его кожи при смене пояса, он даже не задержался на этом месте. Но Муюня прошила жаркая волна, которая, поднявшись от места касания вдоль позвоночника, ударила в голову и...

Движения ученика замерли. Его взгляд медленно опустился ниже.

Чэн Муюнь процедил сквозь зубы:

— Убирайся.

Он кожей чувствовал, что ситуация окончательно выходит из-под контроля.

Хэ Юань не шелохнулся. Он поднял глаза:

— Наставник когда-то учил меня чтить традиции и уважать старших. Если у наставника возникли... затруднения, долг ученика — помочь ему справиться с ними.

— Ты!..

Лицо Муюня вспыхнуло пунцовым цветом. Он не успел закончить фразу — ладонь Хэ Юаня плотно прижалась к его телу.

Всё, что последовало за этим, Чэн Муюнь предпочел бы вычеркнуть из памяти. Он просто позволил своим мыслям унести прочь, пока всё не закончилось.

На ледяном ложе разбросанное верхнее одеяние напоминало лепестки экзотического цветка. Чэн Муюнь пришел в себя, не понимая, когда успел оказаться на постели. Ворот его новой рубахи был слегка смят.

Почтенный Меч сидел на краю кровати. Его одежда была в безупречном порядке, лицо оставалось бесстрастным, и лишь в глубине его глаз плясало пламя, способное, казалось, воспламенить сам воздух в этой ледяной комнате.

Муюнь перехватил его руку, когда тот снова потянулся к нему:

— Это преступление против законов наставничества.

— Ученику это известно, — Хэ Юань ответил спокойным, но не терпящим возражений движением, убирая его руку.

Муюнь вскинул руку, позволяя широкому рукаву из мягкого шелка упасть на лицо. Он не хотел видеть ученика.

Хэ Юань замер на долю секунды — едва заметное колебание, будто в его памяти всплыло что-то важное.

В следующее мгновение поток духовной энергии проник в дантянь Муюня, подавляя его первозданный дух. Почтенный Меч принял меры, чтобы тот не смог больше причинить себе вред.

— Благодарю за напоминание, наставник, — его голос раздался совсем рядом, он шептал почти в самое ухо. — В моих воспоминаниях вы многократно уничтожали свою душу, и каждый раз я не успевал вам помешать.

Чэн Муюнь промолчал.

Тело Юй Цзюня было слишком чувствительным, и он чувствовал, что снова теряет рассудок, погружаясь в вязкую негу. В этот миг в его сознании вспыхнула одна-единственная мысль. Верно, это тело.

Он перестал сопротивляться и, когда Хэ Юань навис над ним, тихо произнес:

— Это не моё тело.

Этой короткой фразы хватило, чтобы жар в глазах Хэ Юаня мгновенно угас.

Он замер, долго и пристально глядя на учителя.

— Ваша правда.

Муюнь не открывал глаз, но почувствовал, как тот поправил его одежду, застегнул ворот, а затем поднялся и вышел.

Когда он наконец разомкнул веки, то увидел брошенное на него верхнее одеяние Хэ Юаня. Под

этой мантией, расшитой синими узорами на белом фоне, всё еще угадывался прежний серый наряд.

От начала и до конца Хэ Юань так и не смог отпустить свое прошлое.

Ученик ушел, но магические цепи не исчезли. Чэн Муюнь не шевелился. Он так и лежал на ледяном ложе, безучастно глядя в потолок.

Система наконец подала голос. Увидев Муюня в таком подавленном состоянии, она не на шутку встревожилась. Она знала, как опасно действие негативных атрибутов.

[Т-ты... ты в порядке?]

Чэн Муюнь долго хранил молчание, пытаясь привести мысли в порядок.

«Не совсем. Только что... я едва не поддался искушению. Мне на миг показалось, что в этом нет ничего плохого».

[Ого... — Система ахнула. — Ты что, влюбился?]

«Да».

[Значит, твое испытание скоро завершится?]

Чэн Муюнь убрал руку от лица. Его взгляд снова стал холодным:

«Бесполезно. Любовь, страсть, желание — всё это лишь мимолетные эмоции. Они не оставляют следа, в них нет смысла. Нужно завершить восстановление мировой линии и немедленно уходить».

Система поняла, что Муюнь остался верен себе. Помолчав, она предложила:

[Может, тебе просто... уступить ему?]

«Исключено, — отрезал Муюнь. — То, что произошло сейчас — мой предел. Еще шаг, и негативные эмоции окончательно сведут меня с ума».

[Вот оно как...]

Чэн Муюнь продолжил, скорее убеждая самого себя, чем отвечая собеседнику:

«Тогда, лишенный памяти, я под влиянием этого негатива убил истинную героиню и вырезал кость Дао Хэ Юаня. Сейчас я помню всё, мой порог сопротивления выше, но это не значит, что я неуязвим».

«Если между мной и Хэ Юанем действительно произойдет нечто непоправимое, я не могу гарантировать, что сохраню рассудок».

Чэн Муюнь не хотел рисковать.

Он тяжело вздохнул:

«Всё, хватит. Пора переходить к радикальным мерам. Если так пойдет и дальше, то либо Хэ Юань сорвется, либо я потеряю контроль. Последствия будут слишком ужасными».

<http://bllate.org/book/15360/1423584>